

ИСТОРИЯ

УДК 316.74:2

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ФУНКЦИИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ: ЕГО СЛЕДЫ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТАХ

О. Н. Тихонова

Нижегородский государственный педагогический университет,
г. Н. Новгород, Россия

ORIGIN AND FUNCTIONS OF SACRIFICE: ITS TRACES IN MODERN SOCIAL AND POLITICAL ACTS

O. N. Tikhonova

Nizhniy Novgorod State Pedagogical University, Nizhniy Novgorod, Russia

Summary: The ritual of sacrifice has many functions: it includes not a worldview function only but social, economic and political functions as well. It appeared in the culture that passed through the stage of hunting and gathering and is still present in veiled (hidden) form in modern mass culture, literature, arts, politics and everyday life.

Keywords: traditional religions, sacrifice, functions of religion, politics.

Мифологическое сознание
совершенно неискоренимо и
возрождает себя в любые
эпохи.

М. Ф. Альбедиль

В настоящее время в печати, по телевидению, в философских беседах «товарищей», причисляющих себя к интеллигенции, на разный лад воспроизводится одна и та же идея: современный европеец, а вкупе с ним и россиянин, изгнав из своего общества традиционную религию (речь идет о христианстве), лишились основных жизненных стандартов, в том числе и стандартов базовой личности. Секуляризация современного сознания рассматривается как предпосылка антропологической катастрофы – уничтожения в самом человеке истинно человеческого (и провозвестником этой катастрофы является терроризм). С этих позиций мир современной европейской цивилизации противопоставляется миру традиционной культуры (обычно обозначаемому общим словом «Восток»), где организующим началом жизни выступает религия [2, с. 17–33]. При таком подходе спасение человека и общества рассматривается в рамках возрождения традиционной религии, что мы и наблюдаем во все увеличивающейся пропаганде христианства (в нашем случае в форме православия), активном восстановлении и строительстве культовых сооружений и т. п. Но так ли верны эти рассуждения?

В данном аспекте нас больше привлекает противоположная ранее высказанной позиция. Мы скорее склонны согласиться с утверждением о том, что «секуляризация может одержать победу на уровне сознательной жизни», и тогда утратят всякую значимость старые теологические концепции, догмы, верования, ритуалы и проч., но «целостный человек» никогда полностью не десакрализуется [9, с. 18], поскольку «традиция – данность,

не зависящая от субъективного произвола» [3, с. 101]. Сакральные (традиционные) представления человека – давно сложившиеся формы восприятия мира, нашедшие свое отражение в мифологии, которая в свою очередь является символическим (языковым) отражением наиболее ранних представлений еще доисторического (первобытного) человека, имеют большую укорененность в сознании, нежели основанные на их базе поздние теологические построения. И эти представления в форме мифов (часто не осознаваемые рационально) продолжают существовать до сих пор и в социальном сознании, и в сознании отдельного индивида – члена социума, так как составляют фундамент нашей культуры. Более того, поведение человека до сих пор (и в XXI веке) продолжает определяться архаичными, неподвластными времени традиционными «знаниями» о «первозданной реальности, более величественной, чем реальность современная, и определяющей ежедневное существование и судьбу человечества». Проще говоря, современный человек продолжает руководствоваться древними мифологемами и жить в рамках ритуала; присутствие архаичных представлений и ритуальных действий мы видим в современной массовой культуре, литературе, искусстве, политике и обыденной жизни.

Предметом нашего внимания в данной статье является одна из центральных частей традиционного ритуала – жертвоприношение. Этот древнейший ритуал продолжает сохраняться, хотя и в завуалированном (скрытом) виде, практически во всех современных обществах мира: многие «социальные явления есть продолжение древнего культа жертвоприношения» [9, с. 9]. Причиной тому, по нашему мнению, служит полифункциональность жертвенного ритуала.

Позволим себе остановиться на двух, наиболее ярких проявлениях древнего ритуала, свидетелями которых мы являлись.

Пример первый. Одним из главных событий истории XX века (связанных с мифологемой о цикличном обновлении мира) стала попытка построения «нового мира» в стране, с давних пор озабоченной идеями мессианства. Этим целям послужила идея построения коммунизма, сформулированная Марксом, в основе которой оказался самый известный эсхатологический миф средиземноморско-азиатского мира – миф о справедливом герое-искупителе (для нас пролетариате), «страдания которого призваны изменить онтологический статус мира» [8, с. 173]. Марксистский коммунизм – «навязчивая идея «золотого века», как всякая эсхатология, требовал «уничтожения всего того, что существовало и изжило себя, начиная с сотворения мира: это единственная возможность достичь первоначального совершенства» [8, с. 54]. Так, под звуки ритуальной песни: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...», согласно космогоническому сценарию, в конце старого мира были принесены многочисленные человеческие жертвы, в том числе и носитель сакральной власти. Акт этот символизировал окончание обветшавшего мира, его обновление и начало нового цикла. В дальнейшем массовые жертвоприношения, совершаемые уже в «новом» обществе, аналогичные человеческим жертвоприношениям, которые устраивали ацтеки в честь бога Солнца, должны были лишь поддерживать новый порядок.

Пример второй. Не так давно, уже в истории современного нам общества, произошло очередное возрождение архаического ритуала в форме ритуального «убийства» (в данном случае политического). Речь идет об отречении Б. Н. Ельцина накануне Нового года от поста президента в пользу своего преемника В. В. Путина. Данное «жертвоприношение», находящееся в рамках космогонического ритуала обновления мира через

убийство состарившегося царя носило искупительный характер, поскольку «...наша современность в секуляризированной, мирской форме еще сохраняет эсхатологическую надежду универсального обновления, осуществляемого или определяемого... отдельной личностью» [8, с. 45]. Целью данного вида ритуала было фокусирование агрессивных тенденций общества на заместительной жертве, так называемом «козле отпущения», а затем, в результате частичного удовлетворения (в силу факта отречения), снятие социальной напряженности [5, с. 102].

Таким образом, ритуальное жертвоприношение в скрытом виде постоянно присутствует в нашей жизни: его можно обнаружить и в других сферах человеческих отношений, так же как и в области политической.

* * *

Два вопроса составляют содержание проблемы возникновения института жертвоприношения в человеческом обществе: вопрос времени (когда?) и вопрос причины (почему?).

Первый из них тесно связан с ответом на вопрос о времени возникновения самих религиозных представлений, и однозначно ответить на него, по-видимому, нельзя. Согласно одной точке зрения «неандертальские погребения еще нельзя считать бесспорным доказательством наличия религиозных представлений у наших предков того времени», а значит, не может быть и речи о каком-либо религиозном культе [7, с. 33]; возникновение таких представлений следует отнести к периоду верхнего палеолита (40 тыс. лет назад). В соответствии с другой точкой зрения есть основания признать наличие религиозных представлений на очень ранних стадиях развития: если идентифицировать захоронение черепа неандертальца мустьерского времени в гроте на горе Монт-Чирчео, как «следы ритуального убийства, совершенного 55 тыс. лет назад» [10]. Наиболее распространенным на сегодняшний день (а также разделяемым большинством западных исследователей) является взгляд на жертвоприношение как на один из признаков культуры, уже прошедшей стадию охоты и собирательства [4, с. 660–661; 8, с. 94].

Другой вопрос – о причине возникновения института жертвоприношения – связан с ответом на вопрос о причинах возникновения религиозных представлений в целом; он имеет столетидесятилетнюю историю и до сих пор остается дискуссионным. В ходе этой дискуссии возникло более десятка различных теорий отечественных и зарубежных исследователей. Начало дискуссии было связано с новым этапом в развитии религиоведения – окончательным оформлением истории религии как научной дисциплины в сер. XIX в., благодаря накоплению и началу теоретического осмысления обширных этнографических материалов.

Рассмотрению различных теорий о причинах возникновения жертвоприношения как части религиозной практики следует посвятить отдельную статью. Нас же сейчас интересуют не только и не столько различные обстоятельства, в которых возникло и совершается жертвоприношение (то есть ответ на вопрос: почему?), сколько те конкретные цели, с расчетом на достижение которых совершается жертвенный ритуал (то есть ответ на вопрос: для чего?) [6, с. 99]. В результате наших изысканий родилась классификация видов жертвоприношений с точки зрения их функциональности, то есть критерием классификации стала цель жертвоприношения. Мы можем утверждать, что жертвенный ритуал несет в себе не только мировоззренческую, но и социальную, экономическую и политическую функции.

Жертвоприношение	
Вид	Цель
I. В рамках космогонического ритуала	1. Обновление мира. 2. «Напоминание» о божественном акте, лежащем в основе современной формы существования людей.
II. В рамках тотемической трапезы (причащение)	1. Сохранение кровного родства социальной общности с богом. 2. Наделение жизненной силой бога и людей, и общественные установления (законы, договоры), и все государство в целом. 3. Увеличение плодovitости через освобождение духа бога.
III. Искупление и очищение	1. Устранение внутренней напряженности социума, удовлетворение «воли к разрушению», восстановление гармонии в коллективе. 2. Устранение внешнего «зла» путем фокусирования его в жертве. 3. Искупление конкретной вины, возвращения человека в рамки, определенные традицией. 4. Удаление «скверны». 5. Восстановление нарушенного равновесия мирового порядка из-за внесения в него каких-либо новшеств.
IV. Дар	1. Умилостивление и почитание богов и духов предков. 2. Принесение благодарности божеству. 3. Заключение «договора», обязывающего бога выполнить просьбу жертвователя.

Библиографический список

1. Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. – СПб.: Паритет, 2002. – 336 с.
2. Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций: Человек в духовных традициях Востока. – СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. – 288 с. – (Мир Востока).
3. Антипенко А. Л. Путь предков: Традиционные мотивы в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. – М.: Ладомир, 2005. – 318 с.
4. Вундт В. Миф и религия // Мюллер М., Вундт. В. От слова к вере. Миф и религия / пер. с англ. – М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastika, 2002. – (Антология мысли). – С. 245–825.
5. Жирар Р. Насилие и священное / пер. с фр. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.
6. Мосс М. Очерк о природе и функции жертвоприношения // М. Мосс Социальные функции священного / пер. с фр. – СПб.: Евразия, 2000. – 448 с. – С.7–103.
7. Токарев А. С. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1965. – 623 с.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. – М.: Академический Проект; Парадигма, 2005. – 224 с. – (Технологии культуры).
9. Элиаде М. Ностальгия по истокам / пер. с фр. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.
10. Кабо В. Р. У истоков религии // Природа. – 1984. – № 3.

Bibliography

1. Albedil M. F. In the magic circle of myths. Myth. History. Life. – SPb.: Parity, 2002. – 336.
2. Albedil M. F. Mirror of tradition: The Man in the spiritual traditions of the East. – SPb.: ABC-Classic; Petersburg Oriental Studies, 2003. – 288. – (World of the East).

3. Antipenko A. L. Ancestral Path: Traditional Motifs in «Argonavtike» Apollonius of Rhodes. – M.: Ladomir, 2005. – 318.
4. Wundt W. Myth and Religion / Muller M. Wundt. B. From the word of faith. Myth and Religion / transl. from English. – M.: Eksmo, SPb: Terra Fantastika, 2002. – (Anthology of thought). – P. 245–825.
5. Girard R. Violence and the sacred / trans. from Franch. – Moscow: New Literary Review, 2000. – 400 p.
6. Moss M. Essay on the nature and function of sacrifice / M. Moss The social functions of the sacred / trans. from Franch. – SPb.: Eurasia, 2000. – 448. – P.7–103.
7. Tokarev A. C. Religion in the history of the peoples of the world. – M.: Politizdat, 1965. – 623 p.
8. Eliade M. Aspects of the myth / trans. from Franch. – Moscow: The Academic Project, Paradigm, 2005. – 224. – (Technologies of culture).
9. Eliade M. The nostalgia for origins / trans. from Franch. – M.: Institute for Humanities Research, 2006. – 216 p.
10. Cape V. R. At the root of religion // Nature. – 1984. – № 3.

УДК 94(47).084

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

С. В. Кольчугина

**Пензенская государственная технологическая академия,
г. Пенза, Россия**

STATE REGULATION OF RUSSIAN BUSINESS IN MODERNIZATION PERIOD BOURGEOIS: HISTORIOGRAPHIC REVIEW

S. V. Kolchugina

Penza State Technological Academy, Penza, Russia

Summary. This article is devoted to studying public policy in the field of entrepreneurship (the second half of the XIX-beginning of the twentieth century) in the Russian historical science. The main milestones of Soviet and Russian historiography on this issue. Various aspects of this policy: trade and industrial law, taxation, the legal status of the Russian entrepreneur.

Keywords: public policy, reform, entrepreneurship.

Сегодня перед российским обществом стоит задача создания новой экономической модели, которая была бы эффективна и социально ориентирована. Эта модель предполагает усиление роли государства в экономике. Поиски такой модели должны опираться не только на опыт Запада (что сейчас преобладает), но и учитывать исторические особенности развития российской экономики, позитивные и негативные уроки собственного опыта, тем более что в начале XX в. в России сложилась система государственного регулирования хозяйства, во многом предвосхитившая его современные формы.

Однако в исторической науке существуют пробелы в изучении данного вопроса. Регламентация торгово-промышленной деятельности, исследовалась в историографии довольно скупо. До 1917 г. причиной такого положения было то, что промысловый налог был не столько научной проблемой, сколько актуальным вопросом экономической политики. Большинство исследований было посвящено либо теории и краткой систематизации истории торгово-промышленного обложения, либо путям и методам совершенствования промыслового налога [6]. Особенно выделяется в этом